

С. А. Токарев

ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ КАК ОБЪЕКТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1

За последние два — три десятилетия неимоверно разрослась в нашей стране литература об обрядах, традициях, обычаях разных народов. И немудрено. В эпоху коренной ломки самих основ веками сложившегося быта народов, в эпоху строительства коммунизма, не может не возрасти и чисто практический, и теоретический интерес к этому вековому хранилищу форм общественной жизни людей. И если для этнографической науки изучение народных обычаев всегда составляло преобладающий предмет интереса и объект изучения, то в наши дни народными обычаями и обрядами, традиционными и новыми, стали интересоваться не одни этнографы и фольклористы, а и социологи, демографы, философы, искусствоведы, культурологи, больше того — журналисты, писатели, педагоги, работники культурного фронта, партийные, комсомольские, профсоюзные деятели и просто читатели газет, заваливающие редакции своими письмами, вопросами, пожеланиями.

Это означает, что дело тут идет о вещах уже не узко профессионального интереса, не только «академического» исследования, — дело идет о вещах буквально общенародного значения: о проблемах, которые ставят сама жизнь.

Среди огромного количества книг, статей, брошюр, посвященных старым и новым обрядам и обычаям народов, отчетливо вырисовываются сочинения разного стиля и разного уровня. Можно выделить: 1) чисто описательные работы — простое описание старых или новых обрядов такого-то народа; 2) популярную литературу преимущественно пропагандистского направления, с резко выраженным оценочным подходом и преобладающим интересом к новым «гражданским» ритуалам; 3) социологические исследования обычаев и традиций как общественных и культурных явлений¹; 4) сравнительно-этнографический анализ обычаев и обрядов, проливающий свет на вопросы этногенеза и этнических связей между народами²; 5) формально-структуралистское (семиотическое) рассмотрение обрядов³. Во многих случаях эти разные точки зрения ком-

¹ См. напр.: *Т. А. Колева*. Зимний цикл обычаев южных славян (к вопросу о структурно-типологическом анализе обрядности). — «Сов. этнография», 1971, № 3; *А. Б. Гофман*, *В. П. Левкович*. Обычай как форма социальной регуляции. — «Сов. этнография», 1973, № 1.

² См. напр.: *F. Sieber*. Deutsch-westslawische Beziehungen im Frühlingsbrauchen. Berlin, 1968; *К. В. Чистов*. Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов русского Севера. — «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор». Л., 1974.

³ См. напр.: *Г. А. Левинтон*. Некоторые общие вопросы изучения свадебного обряда. — «Тезисы докладов IV летней школы по вторичным моделирующим системам, 17—24/VIII 1970 г.». Тарту, 1970.

бинируются между собой. В целом вся эта обширная, накопившаяся к нашему времени литература представляет огромную научную ценность. Она дает очень много и для научного познания предмета, и для практической ориентировки, для сознательной оценки отдельных явлений народного быта: что хорошо, а что плохо.

2

Мне хотелось бы, однако, обратить внимание на некоторые пробелы в научной (этнографической и иной) литературе об обычаях и обрядах и на связанную с ними некоторую нечеткость в постановке целей исследования. Это, во-первых, преобладание либо чисто дескриптивного, либо докторально-догматического стиля исследования, к ущербу для проблемности в подходе к теме; и, во-вторых, отсутствие ясного разграничения двух понятий — «обычай» и «обряд» (или, что то же, — «традиция» и «ритуал»).

Чтобы разобраться в этих вопросах, я начну с последнего.

Конечно, нет смысла вдаваться здесь в чисто терминологические рассуждения, сопоставлять формальные дефиниции понятий. Но нельзя не видеть две существенно различные группы социальных явлений, за которыми уже закрепились два в общем всеми одинаково понимаемые термина: «обычай» (традиция, нравы) и «обряд» (ритуал, церемониал). Однако соотношение между этими двумя группами явлений и, соответственно, распределение внимания между ними — не всегда должным образом обосновано.

В обиходной речи эти понятия — «обычай» и «обряд» часто употребляются как равнозначные. Мы говорим «свадебные обряды» и «свадебные обычаи», «обряд погребения» и «погребальные обычаи». Однако некоторые авторы пытаются разграничить эти два понятия. И потребность в таком разграничении, несомненно, есть. Но как именно их разграничить?

В очень содержательной книге И. В. Суханова «Обычаи, традиции, обряды» — обряд рассматривается как одна из составных частей обычая, притом необязательная. По мнению И. В. Суханова, структура любого обычая распадается на четыре «элемента»: 1) «идеологические общественные отношения»; 2) их «идейное содержание»; 3) «духовные качества личности... политические, нравственные и религиозные... идеалы...»; наконец, 4) «обряд как сторона обычая, традиции, прочно утвердившихся в общественной жизни»⁴. Хотя такой анализ «структуры обычая» представляется несколько туманным, но в нем интересно то, что «обряду» отводится здесь роль как бы последнего, закрепляющего звена в обычае. «Обрядовая форма», — пишет И. В. Суханов, — возникает только тогда, когда все остальные составные части обычая, традиции уже более или менее прочно утвердились в общественной и личной жизни»⁵. Мысль интересная. «Образование обряда», — говорится в другом месте, — заключительный этап становления традиции и обычая»⁶.

Не слишком четко разграничивает эти два термина Д. М. Угринович. По его определению, обычай — «стереотипный способ человеческой деятельности, копируемый новыми поколениями»⁷. Это не совсем отчетливая дефиниция, но главная мысль тут понятна. Обряд же отличается от обычая, по мнению Д. М. Угриновича, тем, «что он включает в себя не непосредственно целесообразные, а символические действия»⁸. Последнее, конечно, правильно, хотя на практике не всегда можно определить,

⁴ И. В. Суханов. Обычаи, традиции, обряды как социальные явления. Горький, 1973.

⁵ И. В. Суханов. Указ. раб., с. 22.

⁶ Там же, с. 29.

⁷ Д. М. Угринович. Обряды, за и против. М., 1975, с. 17.

⁸ Там же, с. 21.

символическое ли перед нами действие, или оно «непосредственно целесообразно». Например, близкие друзья и родные при встрече и расставании целуются; мать целует своего ребенка; влюбленный юноша целует в губы свою возлюбленную; верующий христианин «прикладывается» к иконе,— т. е. целует ее; вежливый кавалер целует руку пожилой даме; при последнем прощании с умершим близкие целуют его в лоб... Где здесь обряд и где «непосредственная целесообразность»? Другие примеры: обязательный плач невесты перед свадьбой по старому русскому обычаю или обязательное оплакивание покойника — обряды это или прямое проявление чувства?

Самая же существенная ошибка в указанной выше попытке разграничить понятия «обычай» и «обряд» — забвение того, что ведь любой обряд есть тоже «стереотипный способ деятельности». Не стереотипных обрядов не бывает.

Быть может, правильнее всего рассматривать «обряд» как такую разновидность «обычая», цель и смысл которой — *выражение* (по большей части *символическое*) какой-то идеи, чувства, действия, либо *замена* непосредственного воздействия на предмет воображаемым (символическим) воздействием. Таким образом, всякий обряд — это тоже обычай, но такой, который обладает свойством выражать некую идею или заменять некое действие. Всякий обряд есть обычай, но не всякий обычай есть обряд. Понятие «обычай» есть логический «род», понятие «обряд» есть «вид».

3

Для наглядности приведу несколько примеров обычаев, лишенных всякой обрядности. Обычай умываться и чистить зубы по утрам; обычай брить бороду; обычай носить одежду; обычай соблюдать взаимную вежливость; обычай ходить по правой стороне тротуара; обычай соседской взаимопомощи; обычай майората (или минората); обычай гостеприимства,— и много, много других.

А вот несколько примеров обычаев, содержащих в себе момент символизма, знаковости, выразительных действий, т. е. элемент обрядности: обычай рукопожатия при встрече друзей (знак дружелюбия); обычай аплодировать в театре, концерте (знак одобрения); обычай пить вино с кем-то вместе и «за здоровье» кого-то, либо за успех какого-нибудь дела; обычай украшать зеленью жилище в определенные праздники (символ обновления жизни); обычай сжигать соломенное чучело на масленицу (уничтожение чего-то дурного, злого, изгнание зимы); обычай красить яйца на Пасху и дарить их (символ новой жизни, плодородия); обычай окуривать жилище церковными свечами, кадилом, обрызгивать его «святой водой» (знак очищения от чего-то дурного); обычай осыпать молодоженов зернами, хмелем, орехами и пр. (символика изобилия и плодovitости),— и множество других.

В этот примерный перечень умышленно включены действия весьма несходные — например, дружеское рукопожатие и употребление «святой воды». Но всем им присуще нечто общее: символичность, знаковость, выражение некой идеи. Это общее и есть признак обряда.

Из этого перечня ясно видно также, что обряды бывают весьма разные. Чаще всего различают обряды религиозные и нерелигиозные. Есть и немало обрядов, имевших в прошлом религиозное значение, а позже его утративших. Пример — те же крашеные яйца. В этих случаях можно сказать, правда, что бывший обряд перестал быть обрядом и превратился в простую игру, в забаву.

Много спорят о нужности и ненужности, о вредности или безвредности обрядов — имея в виду прежде всего старые, особенно церковные обряды. Спорят и о новых, гражданских обрядах. В обширной литературе,

посвященной этим сюжетам, представлены все оттенки мнений — от огульно негативной оценки и полной браковки всей старой обрядности, настойчивой пропаганды необходимости замены ее новыми, чисто гражданскими ритуалами — и вплоть до воспевания традиционных народных обрядов и до пренебрежительной оценки новых «внедряемых» административными мерами ритуалов. При этом бросается в глаза нередко именно аксиологическая, оценочная точка зрения на предмет, но недостаточное внимание к историческому рассмотрению генезиса и эволюции того или иного ритуала. Особенно важным считают многие авторы определить отношение каждого данного обряда к церковной традиции: связан ли он с религиозным (христианским) культом или нет? Можно ли его очистить от церковной примеси или нет? Также не связан ли данный обряд с древним, дохристианским магическим («языческим») мировоззрением, с анимистическими представлениями — например, с аграрным культом, с культом предков? В зависимости от ответа на эти вопросы дается и оценка того или иного традиционного ритуала — идет ли дело о семейной обрядности, или о народных календарных праздниках и т. п.

4

Приведу один-единственный, но очень яркий и наглядный пример того, как исторически меняется, и меняется в самом корне, символика некоторых предметов, входящих как компоненты в ритуал общественных и семейных обрядов. Пример этот — символика огня.

Открытие огня и умения им пользоваться составляло, бесспорно, решающую веху в процессе антропогенеза — веху, положившую резкий рубеж между нашими животными дочеловеческими предками и собственно человеком. Ни одно животное не может не только добывать огонь, но и пользоваться им. Очень вероятно предположение, что предкам современного человека огонь вначале служил даже не для согревания и не для приготовления пищи, а для борьбы с теми же окружающими его сильными и опасными зверями; и даже не только для защиты от них, но и для отвоевания у них пещер как жилища. В борьбе с хищниками за пещеры огонь был для наших предков главным, если не единственным оружием. Понятно, что эта благодетельная, но и опасная стихия стала одним из первых предметов поклонения для древнего человека.

Суеверное отношение к огню, но и смутное понимание его пользы и необходимости — отразилось в многочисленных мифах о происхождении огня, записанных у народов всех частей света. Во многих из этих мифов первоначальным владельцем огня оказывается, по своеобразной мифологической логике, какое-нибудь животное, у которого огонь силой или хитростью похищается, доставаясь в конце концов людям.

Обрядовое употребление огня вместе с суеверным к нему отношением идет, таким образом, из глубочайшей древности. Оно выразилось и в олицетворении огня, как божественного и благодетельного, но и грозного существа: следы этого сохранились во многих религиях. Широко распространено почитание огня, как семейно-родового покровителя, патрона домашнего очага. Таковы поверья народов Сибири о «хозяйке огня», «матери огня» (у якутов и бурят — «хозяйин огня»). Может быть, таково было и значение многочисленных женских фигурок («ориньякских Венер»), находимых в палеолитических и неолитических стоянках. В античное время такой же хозяйкой очага — но уже не только домашнего, а и общенародного — были греческая Гестия, римская Веста. Поклонение огню было известно в ведической Индии (Агни), в маздеистском «огнепоклонническом» культе. В ритуале жертвоприношений чуть не во всех религиях мира огню принадлежало первое место — «всесожжения», «генатомбы».

Христианская церковь заимствовала элементы этого древнего культа огня. Церковные свечи, лампы, кадила — обязательные принадлежно-

сти богослужения. Мрачно изуверской разновидностью того же «христианского» употребления ритуального огня был средневековый обычай сжигать на кострах «еретиков». Некоторые фанатики из русских старообрядцев сжигали и сами себя: верили в «очистительную» силу огня в этой отвратительной процедуре.

Наряду с этими изуверскими обычаями, почти во всех странах мира сохранились и чисто народные формы ритуального употребления огня — особенно при традиционных праздниках: купальские костры с прыганием через них, с хороводами, сожжение чучела «масленицы» или «смерти», окуривание людей и животных, добывание «чистого» огня трением — и многое другое. Эти чисто игровые теперь действия совершенно утратили прежнее религиозно-магическое значение (если имели его когда-то) и сохранились лишь как народное развлечение, молодежные игры.

Больше того. В наши дни ритуально-символическая функция огня не только утратила прежнее содержание. Нет, она наполнилась совершенно иным, качественно новым содержанием, отвечающим социалистическому духу нашей эпохи. Пионерский костер, факельные шествия, блестящий салют-фейерверк и пр. — все это служит теперь целям поднятия праздничного настроения, усиления торжественности праздника.

Но не только праздника. Символическое употребление огня получило в наши дни и гораздо более важный, более возвышенный смысл. Вечный неугасимый огонь горит теперь у Кремлевской стены в Москве, на Марсовом поле и на Пискаревском мемориальном кладбище в Ленинграде, на Мамаевом кургане в Волгограде, на кладбищах во многих городах, символически знаменуя собой торжественную память народа о павших героях, о борцах за свободу, за честь Родины. Аналогичный ритуал — вечный огонь на могиле «неизвестного солдата» — распространен и во многих других странах.

Сейчас самое время вспомнить и о прекрасном — тоже новом — обычае переноса «олимпийского огня» через многоступенную эстафету в страну очередной Олимпиады: трогательный символ международного братства и общей борьбы за мир.

Вот этот факт радикальной *секуляризации* древнего обряда может служить весьма поучительным примером того, как осторожно надо подходить к оценке современного значения ритуалов, корни которых уходят в глубочайшую древность, но современная символика как небо от земли отличается от прежней — магической, религиозной, какой угодно: что, впрочем, отнюдь не уничтожает факта прямой или непрямой *генетической* связи старого и нового; можно сказать — диалектической связи, развития через противоположность.

5

Все сказанное выше, однако, касается лишь обрядовых обычаев, т. е. таких, которым присуще то или иное символическое значение. Понимание генезиса этих явлений находится в прямой зависимости от понимания той символики, которая связана с данными явлениями. Но символика эта исторически менялась, а потому и современная их оценка — ритуальный огонь, хлеб, вода, елка, кольцо и многое другое — не должна непременно зависеть от прежнего (или начального) символического их значения — будь оно хоть религиозное или какое угодно иное.

Нетрудно убедиться, однако, в том, что обычаи «обрядового» типа не задевают основных и существенных сторон человеческой жизни. Совершать тот или иной обряд или обойтись без него — от этого мало что по существу изменится. Поэтому, как ни важно, как ни плодотворно историческое изучение «обрядов», — но жизненная важность обычаев «безобрядового» типа во много раз больше. Ведь обычаям (не обрядам) подчинено все наше бытие. Семейные и публичные обычаи регулируют все тече-

ние нашей жизни, от мало заметных мелочей быта и до важнейших общественных институтов: семья, брак, бытовое разделение труда, воспитание детей, моральные правила.

А раз это так — то понятно, что не только в чисто познавательных целях, но и в практическом отношении изучение обычаев жизненно важно; особенно *наших* обычаев, т. е. тех, которым мы сами привыкли повиноваться и следовать.

Мы живем, оплетенные со всех сторон обычаями, частью старинными, частью более новыми. Мы так привыкли к ним, что, как правило, и не замечаем их, хотя подчиняемся им на каждом шагу. А замечаем только тогда, когда кто-то резко нарушит общепринятый обычай, или когда, попавши в другую страну, видим обычаи, существенно отличные от наших.

Но вот эти-то привычные нам и потому почти не замечаемые обычаи очень часто требуют строгой проверки. Об этом говорят хотя бы вспыхивающие то и дело в наших газетах, в клубах, среди молодежи дискуссии: о правильном и неправильном воспитании детей, о культурных интересах молодежи, о взаимоотношениях полов, об этикете, о положении дедов и бабок в семье, пенсионеров в общественной жизни, о разделении труда в семье, о проведении досуга, об обстановке жилища, об отношении к природе, о месте эстетики в жизни человека... и о многом другом. Стоит присмотреться к этим, весьма разнообразным по теме дискуссиям, и мы увидим, что в каждой, буквально в каждой из них дело идет о той или иной оценке сложившихся у нас обычаев или традиций: нужно ли их хранить и развивать, или, напротив, с ними бороться, вводить новые обычаи?

Заметьте! Дело касается во всех этих вопросах именно обычаев, т. е. как бы неписаных законов, а не законов в собственном смысле слова. Лишь в очень редких случаях затрагиваются, и то лишь косвенно, те или иные статьи закона, гражданского или уголовного права. Никто сейчас не подвергает сомнению обоснованность и разумность государственного (законодательного) регулирования форм брака (запрещение многоженства, брака несовершеннолетних и пр.), также как и законодательства об имущественных отношениях в семье, норм наследования и т. д. Речь у нас идет лишь о тех сторонах семейного быта, которые регулируются обычаями, а не законодательством.

6

Рассмотрим ближе для примера хотя бы один из этих дискуссионных вопросов.

Особенно горячую и продолжительную газетную полемику вызвал в последнее время вопрос, который и раньше не раз поднимался в печати, — вопрос о структуре семьи, о ее составе как социальной единицы. Считать ли нормой семью из двух поколений (муж, жена, дети), или из трех, т. е. со включением сюда старшего поколения, дедов и бабок? На уровне газетной полемики вопрос этот принял упрощенную и сугубо практическую форму: должны ли престарелые родители оставаться в семье их женатого сына (замужней дочери) или должны жить отдельно — в особой квартире или в пансионате-интернате для престарелых, в доме инвалидов? Тот же вопрос рассматривается с другой стороны: следует ли молодой супружеской паре оставаться с родителями или отделяться от них?

Вопрос, как известно, вызвал горячие споры, целый поток читательских писем, целый ряд статей. Приводилось множество аргументов и в пользу того, и в пользу иного решения. Нашлось немало сторонников и промежуточного, компромиссного решения: пусть «старики» (бабки и деды) живут отдельно, но поближе, хорошо бы в том же подъезде, — тогда в случае чего бабушка и за ребенком присмотрит, погуляет с ним, и провизию поможет купить, — а все-таки в семейные дела, в воспитание детей вмешиваться не будет.

Приводившиеся в споре аргументы были по большей части практического, психологического и бытового свойства. Но спорящие стороны едва ли представляют себе, что дело тут идет о проблеме всемирно-исторического масштаба: это борьба между двумя историческими формами семьи: «малой» («нуклеарной») и «большой» («неразделенной») семьей.

Почти 100 лет тому назад крупный американский ученый Льюис Генри Морган, а вслед за ним Фридрих Энгельс (в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства») убедительно показали, что наша европейская «малая», «моногамная» семья есть плод длительного исторического развития, определяемого общим ходом исторического развития человечества. Морган считал эту нашу семью пятой исторической стадией развития, сменившей прежние четыре последовательные стадии⁹. Точно ли их было четыре («кровно-родственная», «пуналуальная», «парная», «патриархальная») или иное количество — это вопрос спорный. Но что современная «малая» семья, основанная на моногамном браке, есть сравнительно поздняя историческая форма, порожденная собственно лишь капиталистической эпохой, — это бесспорно, по крайней мере для марксистской науки.

Еще на наших глазах местами существовали — а кое-где во внеевропейских странах существуют и поныне — «большие», «неразделенные», «патриархальные» семьи (семейные общины). Они есть в Африке, в Полинезии, в Китае, и у других народов. Не так давно семейные общины — «задруги» — были у болгар, у сербов. Большие патриархальные семьи были у русских крестьян, особенно на Севере. Проникновение товарных, капиталистических отношений почти повсеместно разрушило эти семейные общины: они дробились на малые семьи, нередко тоже патриархальные, особенно у крестьян и у купцов¹⁰.

Вообще, в историческом развитии семьи до сих пор преобладал и преобладает процесс парцелляции семейно-родственных коллективов, дробления их на все более мелкие группы. Этот процесс теперь, с господством почти повсеместно малой семьи, дошел до своего предела: дальше дробить уже некуда!

Современная «малая», «нуклеарная», «моногамная» семья рассматривается кое-кем как «естественная», как бы биологически обусловленная социальная единица. Так смотрит на нее большинство буржуазных ученых. С марксистской же точки зрения, современная форма семьи, имеющая свое историческое начало, будет неизбежно иметь и свой конец. Об этом говорил и Энгельс в названной выше работе. В позднейшей марксистской литературе (Август Бебель¹¹, Александра Коллонтай¹² и др.) отмечалось, что уже теперь, еще до уничтожения капитализма, моногамная семья, как социальная единица, теряет одну за другой свои функции — она как бы изживает себя. Какая более совершенная форма семьи призвана в будущем ее сменить, заранее предугадать трудно. Энгельс вполне правильно указывал, что после низвержения буржуазного строя люди сами сумеют выбрать подходящую форму семьи¹³.

7 -

Главная слабость нашей малой семьи — в ее неустойчивости и недолговечности. Дело не только в том, что семьи часто распадаются из-за внутренних конфликтов, которые заканчиваются формальными развода-

⁹ Л. Г. Морган. Древнее общество. Л., 1934.

¹⁰ См. М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963.

¹¹ А. Бебель. Женщина и социализм. М., 1959.

¹² А. М. Коллонтай. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909.

¹³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 85.

ми. Нет! Даже самая благополучная семья — относительно недолговечна. Продолжительность существования каждой отдельной семьи, в среднем, раза в два меньше, чем время жизни одного человека. Каждый человек рождается и в большинстве случаев вырастает в одной семье; женившись, он создает себе другую семью; иногда, в случае второй женитьбы, он попадает опять в новую семью; когда же от него отделяются женатые и замужние дети, он остается или одиноким, без семьи, или в семье неполного состава. Редко-редко можно встретить человека, который родился, вырос и состарился в одной и той же семье¹⁴.

Может ли эта неустойчивая общественная группа людей (если можно назвать «группой» ячейку порой из 2—3 человек), может ли она справляться с многочисленными и крайне ответственными функциями, которые на нее возложены обществом? Может ли она успешно служить первичной ячейкой современной сложнейшей общественной структуры? Или процесс парцелляции семейно-родственных коллективов, дойдя до крайней своей точки, сменится обратным процессом интеграции, переходом к новому типу более устойчивых, жизнеспособных общественных ячеек? Вот общий подлежащий исследованию вопрос.

Разумеется, проблемы современной семьи (и в буржуазном, и в социалистическом обществе), тенденции ее изменений в ближайшем и более удаленном будущем — это вопросы огромной сложности, вопросы, затрагивающие самые глубинные сферы человеческой жизни. В изучении этих проблем, особенно их этносоциальных аспектов, этнографическая наука — вместе со смежными научными дисциплинами — должна принять самое активное участие.

8

Какие выводы можно сделать из всего сказанного выше? Весьма существенные.

Прежде всего, мы теперь ясно видим, что само понятие «обычай», если его последовательно применять, относится к гораздо более широкому кругу явлений человеческой жизни, чем это принято думать. Очень часто сводят понятие «обычая» к более узкому понятию «обряда» («ритуала») и спорят о том, нужны ли нам «обряды», и какие нужны — старые или новые? И какими должны быть новые обряды? и т. д.

Между тем «обрядовые» обычаи, как мы уже видели, составляют ничтожное меньшинство среди бытовых, повседневных, «обычных» обычаев, которыми в сущности управляется вся наша жизнь, — начиная с обычая спать на кровати (у других народов — на земле, в гамаке) или есть сидя за столом (у других народов — сидя на полу, на ковре), и кончая обычаем жить семьями и жениться по достижении определенного возраста. Многие привыкли также относить понятие «обычая» к народам «экзотических» стран, называть «обычаями» лишь разные курьезы, вроде «кувады» или «левирата», разные дикости и жестокости вроде каннибализма или охоты за головами. Своих же собственных обычаев мы, как правило, совсем не замечаем, они кажутся нам чем-то естественным, само собой разумеющимся, свойственным природе человека.

Отсюда — и это очень важно — недалеко и до критерия оценки: «наш» образ жизни, «наши» привычки, понятия, взгляды — хороши, а разные там «обычаи» чужих народов — дурны. Такая манера судить обо всем со своей колокольни, считать «обычаем» лишь то, что производит странное, непривычное впечатление, и эти чужие «обычаи» осуждать или высмеивать — называется «этноцентризмом».

На эту чисто обывательскую ошибку суждения указывали проницательные люди уже давно: ее видел уже «отец истории», великий Геродот.

¹⁴ См. «Социальные исследования», в. 7. М., 1971, с. 76.

Но недавно возникла, как идейная реакция против «этноцентризма», как раз противоположная точка зрения — о равноправии и равноценности обычаев всех народов. Эта точка зрения «культурного релятивизма» — порожденная определенными политическими причинами и сказавшаяся больше всего в США, — порой принимает крайние и абсурдные формы: говорят о неспоспособности обычаев и культурных ценностей различных народов, об отсутствии единого масштаба, единого критерия для оценки каждого их проявления; говорят даже о необоснованности самого понятия общечеловеческой морали, единой системы моральных норм¹⁵.

Советские ученые в большинстве своем отвергают и ту и другую крайность в сравнительной оценке обычаев разных народов: отвергают и «европоцентризм», и абстрактно-прямолинейный релятивизм. От обеих крайностей нас спасает строго историческая точка зрения — не исключаящая, а, напротив, прочно обосновывающая единую, общечеловеческую систему морально-культурных оценок.

9

Общечеловеческие культурные ценности, бесспорно, существуют. И вместе с ними существует и исторически обусловленный критерий моральной оценки тех или иных культурных явлений. Пользуясь им, мы можем и должны решительно осудить целый ряд «обычаев» и «традиций», существовавших в разные времена и у разных народов, а частью существующих и теперь. Мы осуждаем обычай охоты за головами, существовавший у некоторых народов Индонезии и Новой Гвинеи. Осуждаем обычай каннибализма, еще недавно бытовавший в ряде внеевропейских стран. Осуждаем обычай принудительных браков и подчиненное положение женщин в семье и в обществе. Осуждаем гладиаторские бои в древнем Риме, средневековые костры инквизиции, бытовой расизм и дискриминацию негров в США и в Южной Африке, — и многие, многие другие жестокие и несправедливые обычаи. Но мы не можем считать современные (как и прежние) евро-американские культурные стандарты абсолютными. Не можем выдавать их за общечеловеческие. Не можем отдавать предпочтение европейским обычаям и традициям а priori, только за то, что они европейские, перед азиатскими, океанийскими и всякими иными.

Ведь можно назвать сколько угодно прекрасных обычаев и традиций, восходящих истоками своими к первобытнообщинному строю и гораздо лучше сохранившихся у народов именно внеевропейских стран, не тронутых развращающим влиянием капитализма: таковы обычаи дарения, взаимопомощи, гостеприимства, уважения к старшим, побратимства, усыновления, прямотушия и пр. — обычаи, превратившиеся местами как бы в черты национального характера. Конечно, пройдя в большинстве случаев через «кавдинские ущелья» феодализма и капитализма, многие из этих обычаев приобрели совершенно иной характер.

Иначе говоря, — необходима критика и оценка — с исторической точки зрения и с точки зрения современных моральных понятий — оценка обычаев и традиций всех народов и всех эпох, особенно современной эпохи. Критика и оценка должны привести к отбору культурных ценностей для их сохранения, развития, усовершенствования, к отсеиванию тех обычаев и традиций, которые не выдержат проверки.

Эта задача — нелегкая. Задача сложнейшая и труднейшая. Этнографическая наука должна внести свой вклад в решение этой задачи — разумеется, в тесном сотрудничестве со смежными научными дисциплинами:

¹⁵ Эти вопросы обсуждались в журнале «Советская этнография» в связи с оценкой обычаев избегания. См.: 1978, № 6; 1979, № 1, 5.

социологией, демографией, социальной психологией, историей культуры и другими.

Высшая, благороднейшая цель этнографии как науки должна состоять именно в том, чтобы среди необозримого множества старых и новых обычаев, дурных и хороших традиций всех народов выбрать те, которые пригодны как строительный материал для того, чтобы воздвигнуть разумный — коммунистический — общественный строй, и отбросить те, которые для этой цели не годятся.

10

Основным критерием должны здесь служить этические принципы — нормы современного морального сознания передовой части человечества, которые все яснее вырисовываются в ходе мировой борьбы за коммунизм. Недаром говорится в «Программе КПСС», что «в процессе перехода к коммунизму все более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора и соответственно уменьшается значение административного регулирования взаимоотношений между людьми». Этот «моральный фактор» основывается не на европейских или американских понятиях, а на понятиях общечеловеческих.

«Простые нормы нравственности и справедливости, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами»¹⁶.

Конечно, понятие «коммунистической морали» более широкое и всеобъемлющее: оно отвечает тому высокому уровню социального и культурного развития, которое еще не достигнуто современным человечеством. Но коммунистическая мораль включает, — как говорится в «Программе КПСС», — и «Основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками»¹⁷.

Именно с этой «общечеловеческой» точки зрения должны оцениваться и традиционные обычаи каждого народа, — начиная с простейших требований «этикета» и вплоть до самых сложных жизненных ситуаций.

Конечно, задача правильно оценить каждый обычай, отделить добрые от дурных, «пшеницу от плевел», — задача, повторим это, очень нелегкая. Тут возможны и ошибки, возможны и горячие споры. Что же, наука вообще дело нелегкое, а тут перед нами именно задача науки. Здесь требуется глубокое, серьезное исследование, по каждой проблеме особо; исследование, свободное от заранее готовых выводов.

В нашу цель здесь не входит, да и не могло бы входить, решение различных сложных проблем, которые при этом возникнут. Даже простое перечисление их в рамках этой статьи невозможно. Важно, однако, помнить одно: как бы ни были огромны успехи современных естественных наук, какими бы чудесами ни радовала нас современная техника, — но будущее человечества зависит прежде всего от социальных преобразований, в конечном счете, от установления разумного — коммунистического — общественного порядка. Не Дарвин, не Эдисон, а Маркс и Ленин — указали человечеству путь к светлому будущему. Но ведь нам недостаточно иметь в виду только общую конечную цель — коммунизм: надо с этой точки зрения подвергнуть строгой проверке все наши привычки и взгляды, все «нравы и обычаи». А такая проверка возможна только при помощи научного анализа, при помощи сравнительного историко-этнографического изучения традиций и обычаев всех народов.

¹⁶ «Программа КПСС». М., 1962, с. 200.

¹⁷ Там же, с. 201.

Недаром придавал такое важное значение этнографии великий мыслитель-демократ Чернышевский. Он считал «важнейшею, коренною наукою» именно «науку о человеке». А среди гуманитарных наук он особенно выделял этнографию. Почему? Потому что для правильного понимания наших современных «нравственных и общественных учреждений, понятий, потребностей» — надо знать, как они некогда зародились и как менялись в ходе истории. Без этого «часто бывает затруднительно решить, что именно в известном обычае или учреждении мы должны считать необходимым для нас, какие стороны его служат выражением действительной потребности, какие отжили свое время и при изменившихся условиях продолжают существовать только по закону косности...» В этих случаях «необходимо проследить историю предмета с первобытных его зачатков, чтобы решить, действительно ли он сохранил свой истинный смысл, действительно ли удовлетворяет он в том виде, какой имеет теперь, настоящим отношениям»¹⁸.

«Поэтому,— говорил Чернышевский,— этнография дает нам все те исторические сведения, в которых мы нуждаемся»¹⁹.

По существу ведь ту же мысль выразил и Ленин в своей известной лекции «О государстве»,— но выразил в более общей форме, не связывая ее с одной лишь этнографией. «Самое надежное,— говорил Ленин,— в вопросе общественной науки..., самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»²⁰. Эти слова Ленина относятся в равной мере и к государству, и к любому общественному явлению, в том числе к нравам и обычаям, к народным традициям.

Советская этнографическая наука много сделала для решения этих важных задач. Но ей предстоит сделать еще больше.

CUSTOMS AND RITUALS AS OBJECTS OF ETHNOGRAPHICAL RESEARCH

Although an extensive scientific and popular literature has been devoted to the study of folk customs, traditions and rituals, their problem raising aspect has not been as yet sufficiently stressed. The concepts of «custom» and «ritual» have not been clearly demarcated. The term «ritual» should be applied to that variety of custom that is characterized by its symbolism, its semiotic value, by its expressing a certain idea or a certain social relationship. The symbolism of rituals changes in the course of history.

Of particular importance is the study of everyday «non-ritual» customs to which our whole lives are subordinated, although we, as a rule, do not ourselves notice them until we encounter other peoples' customs that differ from our own.

At the same time, these traditions, to which we are so much accustomed, often require serious re-examination. An example cited in the paper is that of our ordinary small (nuclear) family that has evolved in the course of history. The weakness of the modern family lies in its being too small (2 to 4 members) and shortlived (20—25 years, on an average). It is bound to be superseded by some more perfect form of family.

In conclusion the problem is posed in the paper as to the criteria according to which contemporary (and former) customs should be evaluated. Cultural values common to mankind as a whole find their full expression in the system of Communist morality. It is from this standpoint that we should judge and evaluate the customs and traditions of all peoples, especially our own. This is the goal which should be served by ethnography in cooperation with kindred social sciences.

¹⁸ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, СПб., 1906, с. 223, 225.

¹⁹ Там же.

²⁰ В. И. Ленин. О государстве.— Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.